

ИСТОРИЯ

Подвиг в облаках

Белорусский летчик совершил невозможное, сбив девять фашистских самолетов в одном бою

В Сенненском районе на Витебщине есть добрая традиция. Каждый год в местную школу деревни Мошканы, носящую имя прославленного земляка Александра Горовца, прилетают пилоты Витебского аэроклуба, также носящего имя этого легендарного летчика. В качестве поощрения они берут на борт лучших учащихся и выпускников школы и кружат над селом. Местность эта героическая в буквальном смысле. Отсюда родом Герои Советского Союза Петр Машеров и Иван Каминский, Герои Соцтруда Заир Азгур и Лидия Сироткина. Здесь же родился и вырос Александр Горовец, подвиг которого достоин Книги рекордов Гиннесса, но не вписан туда лишь по нелепым обстоятельствам.

Грозный новичок

— Он с детства мечтал о полетах, — вспоминает одноклассница Саши Горовца, бывшая учительница Лидия Радюк. — Записался в школьный кружок авиамоделирования, делал и запускал в небо сконструированные самолеты. Из нашей деревни многие парни тогда шагнули в небо. Время было такое, помните, как в песне, — «мы рождены, чтоб сказку сделать былью»...

Выпускнику Витебского аэроклуба и Ульяновского военного училища Александру Горовцу в войну достался самолет с бортовым номером 73. Удивительно, но именно столько боевых вылетов совершил лейтенант Горовец. Впрочем, на войне в магию цифр мало кто верил. А вот в боевые качества нового советского истребителя Ла-5 специалисты верили действительно, и не только наши. Его побаивались даже асы люфтваффе: отличное вооружение, хорошая управляемость в бою, ма-

невренность и скорость больше, чем у хваленых «мессершмитов». Ко времени того легендарного полета на фюзеляже машины, принадлежавшей Горовцу, красовались восемь звездочек — то есть восемь сбитых самолетов. Не самый выдающийся результат среди советских летчиков. Однако его главный подвиг был впредь.

Поединок на высоте

...Лето 1943 года запомнилось ожесточенными боями на Курской дуге. В один из жарких дней эскадрилья наших самолетов выполняла задание по прикрытию наземных войск. Когда легли на обратный курс, Горовец пошел замыкающим. Вдруг он заметил позади себя большую группу «юнкеров», летящих бомбить позиции советских войск. В предыдущем бою рация на самолете Горовца вышла из строя, и он не смог сообщить своим товарищам о появлении врага. Времени на раздумье не было: немецкие бомбардировщики уже начали

перестраиваться в колонну для бомбометания.

Сблизившись с ведущим «юнкерсом», Горовец первой же прицельной очередью сбивает флагмана. И закрутилась огненная карусель. Через считанные секунды вспыхнул и развалился в воздухе второй «юнкерс», затем загорелся третий. Атака следовала за атакой, и почти каждая оказывалась результативной. Строй немцев распался, они стали рассредоточиваться, а Горовец, мастерски маневрируя, уклоняясь от огня противника, брал в прицел новую мишень. К земле он отправил уже восемь бомбардировщиков и погнался за девятым, который пытался улизнуть на бреющем полете. Внезапно оружие замолчало —

кончился боекомплект. Тогда Горовец вплотную приблизился к фашистскому стервятнику и рубанул его винтом по хвостовому оперению.

Изнанченный, с погнутым винтом Ла-5 с трудом слушался рулей. Радиопередатчик по-прежнему молчал, к тому же горючее было на исходе, но Александр рассчитывал дотянуть до аэродрома. Увы, судьба приготовила ему еще одно испытание. На горизонте неожиданно появились три пары немецких «фоккеров». Выжав из своего «ястребка» максимум возможного, Горовец кинулся на врага, однако силы оказались слишком неравными. В следующее мгновение огненные трассы вражеских самолетов прошли безоружный Ла-5, он перешел в отвесное пикирование и врезался в рыхлый чернозем на хуторе Зоринские дворы, что в Белгородской области. Герою не исполнилось и 30 лет.

Навечно в памяти

Его имя вполне достойно Книги рекордов Гиннесса. Правда, там уже отмечены 13 побед в одном сражении немца Эриха Рудорффера, но историки считают этот подвиг недостаточно задокументированным. Периодически высказываются подобные сомнения и в отношении Горовца.

— Ничего подобного, есть свидетельства и очевидцы того сражения, — опровергает скептиков директор мошканской средней школы Худаверди Кулиев. — С восхищением следили за боем советские пехотинцы и артиллеристы, среди них был и командующий фронтом Николай Ватутин. Впоследствии именно он вместе с будущим генералом Никитой Хрущевым подписал представление о присвоении Горовцу посмертно звания Героя Советского Союза.

Этот документ сейчас хранится в музее мошканской школы.

После памятного воздушного поединка наземные войска обнаружили обломки девяти «юнкеров», а вот найти сбитого героя сразу не удалось. Долгое время Горовец числился пропавшим без вести, лишь в октябре 1957 года юные следопыты с помощью местных жителей обнаружили на глубине нескольких метров самолет с останками летчика. Найденные при нем пистолет ТТ, партийный билет, планшет с картой сейчас хранятся в Центральном музее Вооруженных сил в Москве. Сам же Горовец был с почестями похоронен в деревне Зоринские дворы. Имя героя занесено в Книгу народной славы Сенненского района, в его честь названы улицы белорусских городов.

Подвиг Александра Горовца золотыми буквами вписан в историю Великой Отечественной войны и служит прекрасным примером для подрастающего поколения. На базе мошканской школы создан краеведческий кружок «Память», участники которого свято чтут память о своих земляках-героях и неоднократно становились победителями творческих конкурсов на военно-историческую тематику. Кстати, еще один факт: 40 летчиков — Героев Советского Союза из числа белорусов и уроженцев Беларуси за годы Великой Отечественной войны сбили в воздушных боях 506 вражеских самолетов.

Евгений КОНОНОВИЧ

На снимках: памятник и памятная доска А. Горовцу в Витебске, на улице, названной именем героя.

Фото
Александра ХИТРОВА,
БелТА

МЫСЛИ ВСЛУХ

Ложка меда в бочке дегтя

Что нам мешает приобщиться к культурному опыту человечества

Уже давно постулат о том, что демократия, в сравнении с иными формами общественного устройства, гарантирует более удобный и широкий доступ к любой необходимой потребителю информации, считается не просто аксиомой, а общим местом, банальностью. И все же так ли это на самом деле?

Скажем, есть ли у нас и вообще нужна ли нам справочная литература? Потому как, ежели судить по нашим СМИ, а также по их сотрудникам, а также по некоторым публикациям вторых в первых, то дело у нас в стране либо со справочниками, либо с их использованием отечественной околочеловеческой «элитой» обстоит совершенно катастрофически. То есть за всю справочную литературу ругаться не буду, но за ту, что касается моих профессиональных интересов — о писателях, — рискну. Примеров тому несть числа, достаточно включить любую телевизионную передачу или открыть любой массовый журнал на какой угодно странице. Помнится, в одном популярном издании некто Елена Слатина в своем обзоре кино о войне упомянула фильм «Я — русский солдат», снятый по повести «В списках не значился». Вот только есть заковыка — автором ее неожиданно оказалась Василий Быков... Единственное, что можно придраться к повести Елены, это предположить, что она не воспользовалась нужными справочниками не от ленисти, а из-за неимения оных.

Ведь долгие годы человек, заинтересованный в достоверной информации о национальной литературе последних двух веков, вынужден был в первую очередь обращаться к справочникам советского периода. Издания сии выверенные, добротные, но, во-первых, их данные сильно устарели, а во-вторых, в них отсутствуют писатели «идеологически чуждые».

Честно говоря, в перестройку я ожидал, что положение с книгами улучшится не только в отношении ранее неизвестных широкому читателю имен и произведений, но и в отношении справочной литературы о них. Не вышло. Главное, что обвалилось в постперестройку, это справочный аппарат. Как будто корова языком слизнула из книжек предисловия-послесловия, комментарии, а также редакторов и корректоров. То же самое произошло и со специальной справочной литературой. Правда, на рубеже столетий выхо-

ФОТО ВЛАДИМИРА КОРОБОВИЧА

дили и новые справочники о писателях (В. Казака, А. Николопкина, Н. Скатова), но они явно были промежуточными, создававшимися в процессе становления данного жанра после развала СССР, охватывали достаточно узкий круг авторов, и — главный недостаток — их практически невозможно достать.

Наконец, лет эдак через десять-двенадцать после распада СССР в книжных магазинах стали появляться новые, лишенные цензурных ограничений отечественные справочники о писателях: «Отчизны верные сыны. Писатели России — участники Великой Отечественной войны»; тома всероссийского автобиографического ежегодника «На пороге XXI века»; однотомник «Русские писатели XX века».

К сожалению, имеются определенные претензии и к этим изданиям. И главная — что они неполны, с явными признаками контузий и увечий, причем во всех трех случаях вызывают резкое несогласие принципы формирования сей неполноты. Работа в жанре, который требует по меньшей мере стремления к полной объективности, в наших российских условиях, вследствие дополнительно привносимых вкусовых и идеологических критериев отбора материала, приводила к бесконечным лакунам и пробелам. В итоге можно просмотреть каждый

из имеющихся литературных словарей и нигде не найти нужного тебе писателя, даже из известнейших.

Случай с «сынами отчизны» наиболее простой и одновременно наиболее странный. Полагаю, что критерии отбора имен для подобного справочника довольно несамословаты: человек должен быть связан с литературой и в то же время быть участником ВОВ. И тем не менее в справочнике, скажем, нет автора трилогии «Ветка Палестины» Григория Свиурского, нет и всемирно известного эссеиста Григория Померанца. Не удостоились этой чести и Виктор Астафьев, ни даже лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын. Улавливаете критерии невключения?

При всей разности жизненных и творческих установок, диапазона излюбленных жанров, все выше-названные не принадлежат к лагерю коммуно-патриотическому, более того, многие десятилетия отчаянно, хотя и с разных позиций, с ним спорили. Конечно, мне могут возразить, что при огромном объеме проделанной работы в справочник не включены еще десятки и сотни имен, что это дело будущего и т.д. Но поверить, что составители книги ничего не знают ни о Солженицыне, ни об Астафьеве, я все-таки не могу.

Критерии отбора материала

для ежегодных томов «На пороге XXI века» издательством «Московский Парнас» просты: любой писатель может принести или прислать в издательство свою автобиографию с фотографией и списком основных публикаций, а потом их вставят в очередную сборник. Важно, что «Московский Парнас» в этой работе не придерживается своего названия и занимается сбором материалов по всем городам и регионам России, с которыми ему удалось установить контакт: Петрозаводском и Псковом, Саратовом и Чебоксарами, Ставрополем и Ростовом-на-Дону...

Но, отдавая должное подобной благородной широте взглядов издателей, приходится признать: несмотря на обилие представленных регионов, фамилии большинства представляющих эти регионы литераторов практически никому не знакомы. Спору нет, важно и нужно собирать сведения о писателях «местных», незначенитых. Но все-таки к подобного рода литературе прежде всего и чаще всего обращаются за справками о людях известных. И таких общезначимых имен, к сожалению, здесь по самому минимуму.

Сборник «Русские писатели XX века» включает в себя прежде всего именно имена. Он заполняет ряд брешей в предшествующей спра-

вочной литературе. Есть в нем и Солженицын, и Астафьев, и Кузнецов, и Белов, и Наум Коржавин, и Николай Панченко, и... и...

На сей раз пугают не взгляды составителей, а их принципы. Провозглашенные и нет. «Читатели могут указать на отсутствие в словаре статей о таких замечательных писателях, как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов и другие. Многие их тексты создавались на русском языке, их вклад в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества — в их национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д.»

Принцип, что и говорить, четкий, но, доведенный до абсолюта, вызывает некоторые сомнения. Немножко странно, когда литературу страны в справочнике представляют только титульная нация. И как быть с теми, кто с нами не просто тесно связан, а в равной степени классик и своей родной, и русской литературы, кто писал на обоих языках и подпадает под «позвольте вам выйти вон» исключительно из-за места рождения?

Например, Аесь Адамович. Большинство его произведений написано по-русски, из России в Белоруссию он вернулся в результате гонений тогдашних союно-московских властей, потом в перестройку переехал обратно в Москву и умер тоже «у нас». Может, такой человек заслуживает право быть включенным сразу в два сборника — и в «Русские...», и в «Белорусские писатели XX века»? Да одна его написанная в соавторстве с Д. Граниным «Блокадная книга» — шедевр русской документальной прозы — по значимости тянет на все собрание сочинений Георгия Маркова (разумеется, включенного в справочник).

Теперь немножко о принципах неprovозглашенных, но, кажется, все-таки принципах. Творцы «Русских писателей» в упор не видят некоторые жанры литературы, до этого революционного хода традиционно числившиеся именно за ней. В справочнике практически нет ни критиков, ни литературоведов, ни философов, ни публицистов. То есть они, конечно, есть, но преимущественно те, у кого хватало способности дополнительно двигать вперед и другие жанры, такие, которые составители тома признают. В результате возникают очень странные перекосы. А как можно всерьез рассматривать русскую литературу XX века вообще без крити-

ков, публиковавшихся в «Новом мире» Твардовского? Без Лакшина, например. Нравится он или нет, но литература 60-80-х годов без него и его статей непредставима.

В результате же этого, надеюсь, сугубо «жанрового перекоса» общая картина русской литературы XX века складывается по простотерекнижки, заметим деликатно, странная: наверное, треть ее составляют многоотмно-многопудовые классики социалистического реализма, такие как Бабаевский, Егор Исаев, Кожевников, Кочетов, Панферов, Софронов, имеющие и к просто реализму, и к литературе самое отдаленное отношение, но зато в том, что является «национальной гордостью великороссов» не по Ленину, сплошные наличия отсутствия (включая имена просто великие — Сергея Булгакова, Бердяева, Гершензона, Струве, причем биографии всех их можно найти в изданной в СССР «Краткой литературной энциклопедии»).

Оказалось, что практически вся издаваемая ныне справочная литература про литературу пока благополучно отдана «демократами» на откуп своим оппонентам, которые по-прежнему и формируют у читателей представление об истории отечественной словесности. За одним-единственным исключением, которое, к сожалению, можно оценивать положительно тоже лишь с рядом серьезных оговорок — полностью одобряя прежде всего замысел, а не воплощение оного.

Действительно, широтой охвата и полной деидеологизированностью двухтомник Чупринина «Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник» выгодно отличается от всех своих предшественников постсоветского времени. Тысячи имен писателей любых взглядов и лагерей. Изучая двухтомник, я обнаружил в нем даже потерях своих курсников, которых по окончании университета потерял из виду. И все было прекрасно, пока я не стал использовать словарь в качестве рабочего инструмента.

Мои первые восторги заметно поутихли, когда я углубился в статьи о тех людях, чьи биографии знал не понаслышке, и обнаружил массу пробелов и неточностей. Обращаясь же за справкой о том или ином малоизвестном писателе, в среднем через раз приходилось потом вносить в уже написанное серьезные коррективы — вследствие недостоверности взятой за основу информации.

Еще просто-таки неприятно царапает, когда вместо полной даты смерти писателя указан только месяц и год. Все же речь идет не об узниках сталинских лагерей и не о пропавших без вести в войну, а о нашем времени. Так вот, критик, участник ВОВ Александр Коган умер не в ноябре 2000-го, а 29

сентября. Аналогичные уточнения необходимо сделать и для многих других ушедших из жизни литераторов.

Такая у нас в итоге получилась история — русской литературы: даже если счесть произведение Чупринина бесспорной удачей (лично я подождал окончательными поздравлениями до выправленных переизданий), то и тогда в лучшем случае мы имеем ложку меда в бочке дегтя. Нынешней демократической интеллигенции стоило бы отринуть гордыню и осознать, что ее предшественники в неизмеримо более трудных для свободы слова условиях (то, что коммунисты приписывают успешам советской власти, заслуга не ее, а прежде всего людей, научившихся ей тогда противостоять) добились в достижении своей цели — просвещения нации — несопоставимо большего. Мы же в результате попали не в фантастику, а в антиутопию — когда для справки о Сергее Булгакове приходится обращаться к справочной литературе советского периода.

И в заключение осталось, наверное, ответить только на один «маленький» вопрос — а нужна ли нам вообще эта самая справочная литература в печатном виде? Теперь есть Интернет, залез туда — и смотри что требуется. Оно так, да не так. Воиним-единственным исключением, которое, к сожалению, можно оценивать положительно тоже лишь с рядом серьезных оговорок — полностью одобряя прежде всего замысел, а не воплощение оного. Действительно, широтой охвата и полной деидеологизированностью двухтомник Чупринина «Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник» выгодно отличается от всех своих предшественников постсоветского времени. Тысячи имен писателей любых взглядов и лагерей. Изучая двухтомник, я обнаружил в нем даже потерях своих курсников, которых по окончании университета потерял из виду. И все было прекрасно, пока я не стал использовать словарь в качестве рабочего инструмента.

Мои первые восторги заметно поутихли, когда я углубился в статьи о тех людях, чьи биографии знал не понаслышке, и обнаружил массу пробелов и неточностей. Обращаясь же за справкой о том или ином малоизвестном писателе, в среднем через раз приходилось потом вносить в уже написанное серьезные коррективы — вследствие недостоверности взятой за основу информации.

Еще просто-таки неприятно царапает, когда вместо полной даты смерти писателя указан только месяц и год. Все же речь идет не об узниках сталинских лагерей и не о пропавших без вести в войну, а о нашем времени. Так вот, критик, участник ВОВ Александр Коган умер не в ноябре 2000-го, а 29

Павел НУЙКИН,
член Союза писателей
Москвы